УДК 81`27`373:811.511.152 DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.041-051

МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОРДОВСКИХ ПАРЕМИЯХ: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспекты

Филиппова Ольга Викторовна,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), filippovaov@mail.ru

В статье рассматриваются мордовские паремии в аспекте постулатов эффективной коммуникации. Теоретическую основу работы составили труды прагмалингвистов (Д. Сёрля, Х. П. Грайса, Дж. Лича), лингвокультурологов (А. Вежбицки, Л. П. Воркачёва и др.), мордовских фольклористов (К. С. Самородова, Г. И. Марченко и др.). Ее практическая значимость заключается в выявлении ценностей коммуникативной культуры, отраженных в паремиологическом творчестве мордовского народа. Объектом исследования служат мордовские паремии. Предметом исследования являются модели коммуникативного поведения. Цель исследования – раскрыть универсальное и специфическое в коммуникативной культуре мордовского этноса.

Методология исследования опирается на когнитивный подход в исследованиях языка, сочетает контент-анализ и интент-анализ. Материалом исследования послужили мокшанские и эрзянские паремии о языке, речи, коммуникативном поведении, извлеченные приемом сплошной выборки из сборников мордовских пословиц, присловиц и поговорок.

Корпус паремий о языке, речи, коммуникативном поведении свидетельствует о пристальном внимании этноса к коммуникативной культуре. Мордовские паремии отразили важнейшие принципы эффективной коммуникации. Формой выражения этических ценностей и коммуникативных правил в них часто выступает совет, предостережение, неодобрительная оценка негативного коммуникативного поведения. Метафорика в мордовских паремиях характеризует лингвокультурное своеобразие языкового сознания мордовского народа.

На примере анализа паремий были выявлены модели коммуникативного поведения, отразившие сплав национально-языкового, этнического, духовного и прагматического, который передается с языком как инструментом в виде предписаний и своеобразных инструкций по применению языка в процессе коммуникации. Яркая и легко запоминающаяся паремическая форма позволяет сохранять и транслировать ценностный пласт коммуникативной культуры.

Ключевые слова: мордовские паремии; постулаты эффективной коммуникации; модели коммуникативного поведения; коммуникативная компетенция; похвала; порицание.

Для цитирования: Филиппова О. В. Модели коммуникативного поведения в мордовских паремиях: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспекты // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 41–51.

Введение

Изучение языка как отражения ментальности народа составляет одно из перспективных направлений когнитивных исследований, в задачу которых входит описание такой важной составляющей культуры, как представление народа о правилах коммуникативного поведения. Известно, для того, чтобы общение было гармоничным и эффективным, людям необходимо придерживаться определенных правил. Выработанные правила речевой коммуникации есть не что иное, как забота людей, с одной стороны, о сохранении и защите нравственных ценностей, и, с другой стороны, о том, чтобы общение происходило как можно результативнее. Знание норм коммуникативного поведения составляет неотъемлемую часть когнитивного уровня языковой личности, основу коммуникативной и культуроведческой компетенции носителя языка, своеобразный коммуникативный код.

Большей частью стремлением вскрыть данный коммуникативный код и показать его работу в процессе использования языка были инициированы исследования в области коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики, социолингвистики, по-

© Филиппова О. В., 2018

лучившие мощный импульс к развитию во второй половине XX в. Так, основная гипотеза работ Дж. Сирла – «пользование языком есть форма поведения, подчиненная определенным правилам»[1].

Под правилами коммуникативного поведения понимают свод определенных предписаний, соблюдение которых способствует бесконфликтному, вежливому, целесообразному и гармоничному общению между коммуникантами. На основе данных правил учеными выводятся этические и коммуникативные нормы успешного речевого взаимодействия, формулируются постулаты/максимы речевого общения, известные в лингвистике как постулаты Г. П. Грайса [17], прагматические правила вежливого общения Р. Т. Лакофф [18], постулаты Дж. Лича [19].

Прагматическое описание правил коммуникации весьма важно в продвижении к пониманию коммуникативного кода, однако недостаточно по причине сосредоточенности на операционной стороне речевого акта, в то время как необходимо представлять глубинные структуры, регулирующие процесс речевой коммуникации. Пролить свет и составить более полную картину того, какие модели коммуникативного поведения наслаиваются в сознании носителей языка и каким образом они в нем оказываются, можно благодаря обращению к самому языку как полю смыслов. Если в языке есть средства, значит, и заложены правила пользования им. Не может быть, чтобы человек усваивал язык и не усваивал правила коммуникативного поведения на этом языке.

Большую помощь в разгадке этого вопроса может оказать фольклор как предмет лингвокультурологических исследований, за которым закрепились свойства наиболее репрезентативного объекта для изучения проявлений духовной культуры народа, поскольку он синтезирует язык, литературу и народную культуру [3; 15]. Признавая за языком роль формирования этноса и проводника в межкультурной коммуникации, исследователи именно в фольклоре обнаруживают парадигму культурного опыта народа, используемую для моделирования поведения и отношения к миру [4; 5; 6; 11; 14]. Очевидно, что коммуникативный код как совокупность моделей коммуникативного поведения представляется частью духовной культуры этноса, культивируемой и транслируемой через язык. Следовательно, обратившись к фольклору за поиском этих моделей, мы используем присущие каждому естественному языку универсальные человеческие понятия, которые, как считает А. Вежбицка, и могут составить теоретический каркас аналитического подхода «для описания специфических черт различных культур» [22, *26*]. Способность фольклорных жанров выступать каналом языка, через который передаются нравственные ценности, позволяет приписывать ему, особенно паремиологическим жанрам, к которым мы вслед за рядом ученых относим пословицы, поговорки, присловицы [8; 9; 10; 12 и др.], функцию хранителя этого коммуникативного кода.

Обзор литературы

Изучение мордовского паремиологического творчества имеет свои традиции и осуществляется в разных направлениях. Богатый опыт собирания, классификации и научного описания мордовских паремий представлен в работах К. С. Самородова[2]. В аспекте культурного пространства и с точки зрения жанровой специфики паремии рассмотрены Г. И. Марченко [10]. Отражение этических ценностей сквозь призму паремий мордовского народа в составе финно-угорского суперэтноса анализируют Н. Н. Глухова и В. А. Глухов [4], а этико-речевых норм в пословицах и поговорках – Т. Я. Краснощёкова и С. А. Уланова [7]. Источником формирования языковой личности в процессе изучения родного языка выступают мордовские паремии в работе М. И. Савостькиной, Л. И. Макушкиной и М. С. Сура-

[1] Searle J. R. Speech Acts: An Essay I the Philosophy of Language. Oxford, 1969. P. 22.

[2] См.: Мордовские пословицы и присловья / сост. и перевел К. Т. Самородов. Саранск, 1968; Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. ст., запись, систем. обработка текстов и пер. их на рус. яз. К. Т. Самородова. Саранск, 1986.

евой [13]. Внутрижанровыми особенностями паремий занимались Н. А. Кулакова и В. Ф. Рогожина [9]. С точки зрения синтаксической организации паремии исследованы Л. П. Водясовой и Е. Н. Старкиной [2], О. Калинкиной и Е. Ф. Клементьевой [6].

Рассматривая мордовские паремии во всех отмеченных выше аспектах, ученые выделяют интересные и значимые для характеристики культурного наследия мордовского этноса особенности, их огромный языковой и воспитательный потенциал. Поскольку у мордовского народа в прошлом был долгий бесписьменный период, паремии в его духовной культуре имеют большую весомость. По утверждению Г. И. Марченко, именно на них ложится «функция коммуникации, а также трансформации традиции в философском, нравственном, этическом, эстетическом, историческом, речевом и прочих ее аспектах» [10, *2*]. Способность паремий выступать транслятором накопленного культурного опыта подтверждают исследования языковой структуры высказываний данных фольклорных жанров. С точки зрения Л. П. Водясовой, преобладание в структуре мордовских пословиц обобщенно-личных предложений отражает способность данной синтаксической конструкции «использоваться при выражении только тех наблюдений, которые представляются говорящему обязательными, бесспорными, поскольку вытекают из объективных особенностей наблюдаемых явлений и ситуаций» [2]. «*Валмеревксэсь нармунь нерьшка – превейчизе покш эрькешка* (Пословица с птичий клюв, а мудрости в ней целое озеро)»[3]. Вряд ли можно точнее обозначить емкость содержания и совершенство формы паремий, которые, по определению Г. Л. Пермякова, с одной стороны, явления языка, устойчивые сочетания, во многом сходные с фразеологическими оборотами; с другой – логические единицы, выражающие то или иное суждение; с третьей – художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме обобщающие (точнее, моделирующие) факты самой действительности [12, *14*].

Интерес представляет анализ мордовских паремий в аспекте постулатов эффективной коммуникации как отражение закодированных в них норм и предписаний коммуникативного поведения, как источник коммуникативной компетенции носителя языка, адекватная модель которой, по мнению М. Севилль-Труак, автора книги по этнографии коммуникации, включает три блока: Linguisticknowledge («лингвистическое знание»), Interactionskills («умения взаимодействовать») и Culturalknowledge («культурное знание») [20, *20*].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили мокшанские и эрзянские паремии о языке, речи, коммуникативном поведении, извлеченные приемом сплошной выборки из сборников мордовских пословиц, присловиц и поговорок[4]. Отобранные паремии были условно классифицированы по следующим релевантным для речевой коммуникации параметрам: 1) язык как инструмент коммуникации и коммуникативного поведения человека; 2) важнейшие характеристики успешного коммуникативного акта; 3) модели коммуникативного поведения в оценочных речевых актах. Методология исследования опирается на когнитивный подход в исследованиях языка, сочетает контент-анализ и интент-анализ.

Корпус пословиц, поговорок и/или каламбурно-присловичных выражений о коммуникации, речи, языке, коммуникативном поведении представляет собой в фольклоре любого народа обязательную часть, что свидетельствует о важности его культурного бытования. По данным нашего исследования, в мордовских паремиях (проанализированы 3 682 единицы) он составляет 19 % от общего числа, т. е. почти в каждом пятом изречении отражен

[3] Мордовские пословицы и присловья. С. 8.

[4] См.: Мордовские пословицы и присловья (далее в тексте – МПП); Мордовские пословицы, присловицы и поговорки (далее в тексте – МППП); Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 4, кн. 1: Пословицы, присловья и поговорки / под ред. Э. В. Померанцевой, Л. С. Кавтаськина. Саранск, 1967 (далее – УПТМН). После примеров в круглых скобках указаны источник и номер страницы в нем.

опыт осмысления тех или иных коммуникативных процессов и явлений (пословицы) или зафиксированы устойчивые оценочные характеристики коммуникативного поведения (чаще поговорки, присловицы). Эта мысль подтверждается в работе Н. Н. Глуховой и В. А. Глухова: согласно их выводам, фактор «речь» как универсалия системы ценностей финно-угорского суперэтноса именно у мордовского народа имеет особенность, которая «заключается в высокой оценке речи и в нейтральном отношении к ее использованию» [4, *108*].

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о зафиксированном в паремиологическом творчестве мордовского народа своде коммуникативных правил и ценностных установок, который можно определить как сплав этнического, духовного и прагматического. Он передается с языком как инструментом в виде предписаний и своеобразных инструкций по применению последнего в процессе коммуникации.

Следует подчеркнуть, что ценность языка в жизни человека, важность умения владеть им в мордовских паремиях подчеркивается через приписывание языку мощной силы: *Кие тевса-валса сафтсы, ся прянц аф юмафтсы / Кие тевсэ-валсо савты, се пря а ёмавты.* «Кто словом и делом умеет действовать, тот нигде не пропадет» (УПТМН, с. 191); *Кяльс сембонь сафтсы: мяльтьке кастсы, тевтьке срафтсы.* «Язык много может сделать: и настроение поднять и дело испортить» (УПТМН, с. 183); *Кяльсь пеельдонга оржа.* «Язык острее ножа» (МППП, с. 177); *Аф шарфтсак кяльцень, ломанць аф шарьхкодьсы мяльцень.* «Не повернешь языком – не поймут твои мысли» (УПТМН, с. 184).

В свойственной паремиям манере утверждать ценность через неодобрительную оценку противоположного мордовские присловицы выражают неодобрение при неспособности человека использовать язык в целях коммуникации: *Ломанть кульсак кяленц, да аф няйсак мяленц.* «Речь его услышишь, а мысли не узнаешь» (УПТМН, с. 186); *Аф азсы мяленц, бта сукст сивозь кяленц.* «Не скажет о своей цели, словно черви язык съели (неодобр. о неумении говорить)» (УПТМН, с. 186).

Мордовские паремии, среди которых значительное число построено в форме советов, обращают внимание на необходимость вдумчиво относиться к слову, культивируют сознательное, граничащее с осторожностью, отношение к выбору языковых средств в целях коммуникации: *Васенда арьсек (кулхцонтт), тоса вал аст (корхтак) / Васня кунсолок, мейле кортак (ёвтак).* «Вначале подумай, потом слово скажи» (УПТМН, с. 182); *Ёвтак вал, ёвтак кавто – мейле арсек аламос.* «Скажи слово, скажи другое и опять подумай немного» (УПТМН, с. 233); *Валцень лаподьсак – меки аф каподьсак.* «Не подумав скажешь – себя накажешь» (МПП, с. 45); *Валце лац аф азови – сон афи шарьхкодеви.* «Смутно скажешь – смутно и поймут» (УПТМН, с. 185).

В анализируемых паремиях заметно пристальное внимание к слушанию, в них подчеркивается важность этого вида речевой деятельности в жизни человека, отмечается умение слушать как черта коммуникативного поведения умного человека: *Маштат ёвтамо, машт кунсоломояк.* «Умеешь говорить, умей и слушать» (МПП, с. 58); *Превеесь ламо а корты, ламо кунсолы.* «Умный много не говорит, больше слушает» (МПП, с. 42); *Енюсь кржа корхтай, лама кулхцонды.* «Умный мало говорит, больше слушает» (МППП, с. 202).

В мордовских паремиях важность предкоммуникативной фазы и ее влияния на результат коммуникативного акта, т. е. необходимость тщательного обдумывания того, что предстоит сказать, выражается через указание на необратимость речевого акта. Это своеобразное предостережение строится как противопоставление обратимости любых других рукотворных действий человека: *Мезе ёрай мяльце, сянь петьсы кядце, а мезе тии кяльце, ся кядценди аф тиеви.* «Что желает душа, то сделает рука, а что сделает язык – руками не исправишь» (УПТМН,

с. 183); *Вал мярьгови – меки аф кундави / Валонть ёвтасак – мекев а кундасак.* «Слово скажешь – назад не воротишь» (УПТМН, с. 191).

В указанной группе паремий обращает на себя внимание сравнение с рыбой: как что-то быстрое, ускользающее рыба символизирует в мордовских паремиях сказанное слово. Одновременно, по сравнению с рыбой, слово представляется чем-то еще более неуловимым и потому требует более осторожного с ним обращения: *Азф валсь – ведьса (моряса) кальсь / Евтазь валось – ведьсэ кал.* «Сказанное слово – рыба в воде» (УПТМН, с. 191); *Валсь аф кал, сонь бреднекса аф кундаса / Валось аволь кал, бреднясо а кундасак* «Слово не рыба, бреднем не поймаешь» (УПТМН, с. 191).

Овладение языком предполагает овладение коммуникативно совершенной речью. В этом отношении паремии однозначно проводят параллель между интеллектуальными и коммуникативными способностями носителя языка. В перечне требований к речи как элементу коммуникативного события в мордовских паремиях важную роль играет требование краткости. Краткость речевого высказывания ассоциируется с умом его автора. При этом длинная речь оценивается как бестолковая, не вносящая вклад в коммуникативный акт (постулат количества как постулат эффективной коммуникации в терминах Г. П. Грайса имеет еще одно название – постулат краткости). В мордовских паремиях вред от чрезмерно длинной речи сравнивается с излишней солью в пище: *Лама салсь гастай ярхцамбяльть, аф кис азф валсь – баснять, мяльть / Ламо салось ярсамолепенть ёмавты – аволь тевс нолдазь валось – кортамонть.* «Лишняя соль портит пищу, лишнее слово – речь» (МПП, с. 34); *Што лишнай валсь, што лишнай салсь.* «Лишнее слово, что лишняя соль» (УПТМН, с. 187); *Лама корхтат – нолдат торхтат.* «Много говоришь – много вздору наговоришь» (МПП, с. 33); *Кувака кильсь аньцек нолсемс пара.* «Длинным языком хорошо только облизывать» (МПП, с. 34); *Паро кортнемат кувакат а эрсить.* «Хорошие речи не бывают длинными» (УПТМН, с. 186); *Кие ламо корты, се превей валт а ёвты.* «Кто много говорит, тот и глупости творит» (УПТМН, с. 169); *Лама валса (корхтамаса) видешиське юмай (ваяй)* / *Ламо валсо кортамсто видечиськак ёми.* «В многословии правда тонет» (УПТМН, с. 169).

По результатам проведенного исследования восприятия студентами-билингвами краткости как достоинства речи, было выявлено, что как инвариант в структуре речевого идеала, т. е. системы требований к говорящему и его речи, воспринимают краткость 47,5 % опрошенных [16, с. 119].

Основной чертой в модели успешного коммуникативного поведения является единство сказанного и сделанного, поэтому в мордовском фольклоре немало паремий, отражающих негативное отношение к слову, не подкрепленному делом. При этом в основе построения таких паремий часто лежит фигура противопоставления, а сами паремии окрашены неодобрительной оценкой и предназначены сигнализировать об осуждении такого положения вещей: *Кельса лама тев содай, а кядьса карь аф кодай* / *Кельсэ ламо тев соды, кедьсэ картькак а коды.* «На словах все знает, а на деле и лапоть не сплетет» (УПТМН, с. 190); *Кельсэ – сех икеле, тевсэ – сех удало.* «Языком – впереди всех, делом – позади всех» (УПТМН, с. 119); *Сонь пяк пархт валонза, аньцек кальдяфт тевонза* / *Валонзо парт, ансяк тевензэ а маштовить.* «Слова его хороши, да дела плохи» (УПТМН, с. 117); *Кяльса – козя, тевса – беднай* / *Кельсэ – сюпав, тевсэ – бедной.* «Языком – богат, а делом – бедноват» (УПТМН, с. 116); *Кяльса моря кяли, а тевса начконяда пели* / *Кельсэ моря юты, а тевсэ начкодо пели.* «Языком море переплывет, а на деле сырости боится» (УПТМН, с. 190); *Келезэ валаня, тевезэ каланя.* «Язык-то гладкий, да дела гадки» (МПП, с. 35); *Вадря се, ки кортамодо кол ды роботасояк тол.* «Хорош тот, кто хорошо говорит и в работе (труде) горит» (УПТМН, с. 176).

Модели коммуникативного поведения в мордовских паремиях зафиксировали

важнейший принцип построения коммуникации – принцип зеркальности. Через эпитеты-антонимы: *цебярь*, *пара* (мокш.[5]), паро (эрз.) / *кальдяв*, *кяжи* (мокш.), *берянь*, *кежей* (эрз.) («хороший», «добрый» / «плохой», «злой»); *пара* (мокш.), *чевте* (эрз.) / *казяма* (мокш.), *казямо* (эрз.) («ласковый» / «грубый») – в них наглядно демонстрируется зеркальность коммуникативного эффекта.

При положительных свойствах речи отмечается положительный эффект от ее воздействия в виде приятных ощущений, хорошего настроения. Противоположный эффект наблюдается в случае негативных характеристик речи: *Цебярь корхтамась кулхцондови.* «Хорошую речь приятно и слушать»; *Цебярь кяльсь-вальсь (тевсь) кирттянза, кальдявсь – юмафттанза.* «Хорошее слово (дело) поддержит, а плохое – погубит» (УПТМН, с. 184); *Эста пара мялезт, коста пара валхт пачфтихть пилезт.* «Тогда хорошо бывает на душе, когда хорошие слова услышат уши» (МППП, с. 214); *Берянь вал ёвтат, берянь вал марят.* «Плохое слово скажешь – плохое и услышишь» (УПТМН, с. 186); *Чевте валось ломаненть ёнот велявтсы, казямось – каршот аравтсы.* «Ласковое слово человека привлекает, грубое – злобу вызывает» (МПП, с. 35); *Паро валось кеж ёмавты, берянесь – тюрьгавты.* «Хорошее слово зло усмиряет, плохое – озлобляет» (МПП, с. 35).

Показательны образы сравнения коммуникативного эффекта от хорошей / приятной и плохой / грубой речи. Среди них сравнения, отсылающие к вкусовым ощущениям, где часто приятная речь сравнивается с маслом: *Валонц азы – мянь седи лазы.* «Слово скажет – словно маслом помажет» (МППП, с. 180); *Корхтай, бта вайса вади.* «Говорит, словно маслом мажет» (УПТМН, с. 183).

Встречаются сравнения, отсылающие к слуховым впечатлениям: *Лац сон торай, бта мора морай.* «Хорошо он говорит, словно поет» (УПТМН, с. 185); *Лаборды, бта шава парь калдорды* / *Чаво паресь калдорды.* «Говорит, словно пустая кадушка гремит» (УПТМН, с. 193). Сравнения, отсылающие к тактильным ощущениям, характерны для паремий, в которых описывается коммуникативный эффект от грубого, злого слова. При этом образ создают сравнения коммуникативного эффекта с действием острого предмета, оружия, опять же соли и т. п.: *Осал вальсь – кода седис нальсь.* «Плохое слово – стрела в сердце» (УПТМН, с. 188); *Кяжда азат вал – седис пезфтат нал.* «В злости слово выпалить – в сердце стрелу вонзить» (УПТМН, с. 134); *Кяжда азат вал – селмос каят сал.* «Злое слово, что соль в глаза» (УПТМН, с. 187).

Представляет интерес и анализ норм выражения важнейших в речевой коммуникации актов – похвалы и порицания. Являясь оценочными речевыми актами, они выполняют регулирующую функцию, поскольку через оценку тех или иных качеств характера, поступков, действий носитель языка получает представление о том, что именно в условиях данного социума оценивается как положительное и отрицательное. Таким образом, паремии, предписывающие определенное речевое поведение в условиях продуцирования и рецепции данных актов, представляют особый интерес с точки зрения когнитивного подхода к языку. Похвала и порицание – свидетельство существования когнитивных стереотипов, общепринятых представлений о плохом и хорошем, добросовестном и безответственном поведении в общественном моральном сознании.

В каждом языке отражаются нормы выбора объекта похвалы и порицания. Это наряду с другими факторами составляет тот набор условий, который необходим «для осуществления речевых актов определенного типа»[6]. В прагмалингвистических исследованиях, посвященных описанию похвалы как речевого акта, большое внимание уделяется характеристике объекта похвалы, в качестве которого часто выступают «моральные и интеллектуальные качества, умения и поступки собеседника или отсутствующе-

[5] Сокращения: мокш. – мокшанский язык; эрз. – эрзянский язык.

[6] Searle J. R. Op. cit. P. 22.

го при разговоре человека, а также внешность или манеры отсутствующего человека» [1, *71*].

Анализ мордовских паремий показал, что приоритетным объектом как для одного, так и для другого речевого акта выступают поступок, деятельность человека и плоды этой деятельности. Например, объектом похвалы выступает трудовая, воспитательная и иная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей. Объектом порицания – отсутствие такой деятельности, человеческие пороки (лень, глупость и т. п.): *Цебярь тевонкса шнайхть, кальдявонкса – сялдыхть* / *Паро тевень кис шныть, берянень кис – сялдыть.* «За хорошее дело хвалят, за плохое – хают» (МППП, с. 211); *Аш мезец шнамс, кда лангозонза аш мезе шамс.* «Не за что хвалить, коли нечего надеть» (МППП, с. 228); *Нузяксонть чавить, превеенть славить.* «Ленивого бьют, а умного хвалят»; *Кальдявсь аф эряви шнамс, цебярсь аф эряви сялдомс.* «Плохое не за что хвалить, хорошее не за что хулить» (МППП, с. 55).

Коммуникативная норма выбора объекта для похвалы и порицания соотносится с постулатом истинности как важным коммуникативным принципом успешного общения. Эту норму мордовские паремии отразили через ограничения в выборе и объекта и способа вынесения оценки: *Фалендак эста, коста правдась тонь.* «Хвались тогда, когда правда твоя» (МППП, с. 209); *Мезе аф шнави, сянь тяк шна.* «Что нельзя хвалить, то не хвали» (МППП, с. 209); *Сюцемась цебярь тонафтозь, шнамась – тевса* / *Сялдомась эряви, шнамось – седеяк.* «Ругать хорошо, поучая, хвалить – по делу» (МППП, с. 209); *Тяк сялда модать, сялдк кальди сокайт (сёронь урядайть).* «Не хули землю, а хули плохого пахаря» (УПТМН, с. 93); *Цебярти мзярдовок аф мярьгат кальдяв* / *Пародонть кодаяк а мереват берянь.* «О хорошем никак не скажешь плохо» (УПТМН, с. 176); *Шнак начальникенть, ансяк содак мейс.* «Хвали начальника, да знай, за что» (МППП, с. 210).

Последняя пословица, на наш взгляд, отразила и такой важный компонент в осознании моделей коммуникативного поведения в ситуации похвалы / комплимента, как учет социального статуса хвалящего. В зарубежных исследованиях этому вопросу уделяется достаточно внимания в аспекте проблем социолингвистики. По данным исследования Н. Вольфсон, согласно этическим нормам, социальный статус адресанта не может уступать статусу адресата [21, *91*], т. е. адресант должен обладать неким правом для вынесения адекватной оценки действий другого, что невозможно в ситуации, когда адресант не обладает достаточной компетенцией.

В мордовских языках зафиксировано множество паремий, характеризующих такую коммуникативную норму-предписание, как время похвалы по отношению к деятельности и ее результату, – она должна выражаться после того, как результаты деятельности очевидны (указание на важность данного дейктического параметра в реализации похвалы в коммуникативном пространстве). При этом метафорический язык паремий в качестве конкретных реалий часто использует указание на полевые работы, военные кампании, женитьбу и др.: *Седнять шнак ётамда меле.* «Мостик хвали после того, как по нему пройдешь»; *Снярс катось аф шнави, мзярс тейнза шеер аф кундави.* «Не хвали кошку, пока не поймает мышку» (МППП, с. 213); *Шнак пряцень аф тевонь ушедомста, а шнак тевонь шумордамста* / *Шнак пря аволь ушодомсто, шнак тевень прядомсто.* «Не хвались перед началом дела, а похвались в конце дела» (УПТМН, с. 139); *Тяк шнафта пряцень паксяв тумста, а шнафтк паксяста самста.* «Не хвались, когда в поле едешь, а хвались, когда с поля приедешь» (МППП, с. 252); *Пряцень бойса календак, сяльде хвалендак.* «В бою закались, а потом хвались» (МППП, с. 210).

Наличие паремий, в которых отражена описываемая коммуникативная норма, говорит о том, что человеку свойственно опережать время и выдавать желаемое за действительное. Согласно народной мудрости, такая эйфория может негативно сказаться на результатах деятельно-

сти, так как лишает человека возможности здраво и критически оценивать себя и свою деятельность.

Особого внимания заслуживают паремии, в которых имеется указание на психофизические ощущения адресата в ситуации похвалы / порицания. Например, эффект хвалебных слов ассоциируется с нежными, ласковыми прикосновениями, внутренним очищением, омовением чистой водой; перлокутив порицания сопряжен с неприятными ощущениями сродни тем, что возникают от покалывания острым предметом, укуса ядовитых животных, погружения в грязную воду и т. п.: *Минь кда шнатама – сапоньца штатама, а кда сялттама – салмоксса сялктама.* «Когда хвалим – словно мылом моем, когда ругаем – как иголками колем» (МППП, с. 213); *Шнамось – вий рашты, пек сялдомась – вий машты.* «Похвала воодушевляет, а хула силы убавляет» (МППП, с. 215); *Пингста шнамась вий максы.* «Своевременная похвала прибавляет силы» (МППП, с. 214); *Осал (кяждонь) вась – кода седис нась.* «Худое (злое) слово – как стрела в сердце» (МПП, с. 34); *Валса обжамась эрьхтемада сяряди.* «Словами обидишь сильнее, чем ударом» (УПТМН, с. 184); *Сон эхянь куй – пупай кинь муй.* «Он, как змея, жалит всех (о говорящем хулу)» (МППП, с. 211).

Речевой акт похвалы в адрес самого себя, т. е. похвальба, – предмет особого внимания, похвальба подлежит осуждению: *Тяк шна пряцень кяльса – шнак тевса* / *Иля шна пря кельсэ – шнак тевсэ.* «Не хвались языком, хвались делом» (УПТМН, с. 285); *Прянь шнафтомась геройтите аф ладяй.* «Хвалиться и герою не годится» (УПТМН, с. 289); *Цебярь ломань эсь прянц аф аравaт* / *Прянь шнамосо, парокс а теевaт.* «Умный человек никогда себя не хвалит» (УПТМН, с. 285); *Прянь шнафтыть пинеське аф кельгсы*; *Прянь шныцянть кискаяк а вечксы.* «Хвастуна и собаки не любят» (УПТМН, с. 287).

В мордовском фольклоре отражается стремление предостеречь от увлечения данным речевым актом, причем делается это через указание на негативные последствия похвальбы для самого адресанта, склонность к похвальбе сравнивается с болезнью: *Кие пря шнафты, ся кальдявс прафты* / *Кие прянь шнамо вечки, се паро а теи.* «Кто хвалить себя любит, тот себя и губит» (МППП, с. 211); *Прянь шнамась – стака урма* / *Прянь шнамонь вечкемась – стака орма.* «Самохвальство – тяжелая болезнь» (МППП, с. 211); *Пря шнафтат – честцень юмафтат.* «Сам себя похвалишь – честь свою потеряешь» (МПП, с. 53).

Предостережение от похвальбы выражается через указание на свойственность данного речевого акта только недалеким людям или недостойным похвалы: *Ёнюсь пря аф шнафты* / *Превей ломань пря а шны.* «Умный себя не хвалит» (МППП, с. 199); *Ёнюсь баснят срхкафты, ёньфтемсь – аньцек эсь пря шнафты.* «Умный беседу затевает, а дурак хвалиться начинает» (МППП, с. 206); *Цебярь ломань эсь прянц аф шнасы* / *Превеесь зярдояк пря а шны.* «Умный человек никогда себя не хвалит» (МППП, с. 209); *Пряцень шнафтсак – ёньфтомашицень няфтьсак.* «Себя похвалишь – свою глупость покажешь» (МПП, с. 49).

Заключение

Таким образом, мордовские паремии раскрывают представление народа о нормах речевой коммуникации. Они являют собой определенные модели коммуникативного поведения, выступая действенным воспитательным средством этнокультуры. Модели коммуникативного поведения способны отразить как универсальное, так и специфичное в системе ценностей каждого этноса. Яркая, легко запоминающаяся паремическая форма коммуникативных норм позволяет сохранять и транслировать ценностный пласт культуры. Усвоение моделей коммуникативного поведения способствует становлению полноценной языковой (коммуникативной) личности, т. е. человека, который непринужденно и целесообразно пользуется языком в процессе коммуникации.

Поступила 04.07.2017, опубликована 07.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бигунова Н. А. Социальный статус участников положительно-оценочных речевых актов (на материале англоязычного художественного дискурса) // Мова: ауково-теоретичний часопис з мовознавства. 2014. № 20. С. 70–74.
2. Водясова Л. П., Старкина Е. Н. Структура пословиц в эрзянском языке // Огарев-online. 2017. № 8. URL: http://journal.mrsu.ru/arts/struktura-poslovic-v-erzyanskom-yazyke (дата обращения: 14.05.2017).
3. Воркачёв С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12–20.
4. Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса: моногр. Йошкар-Ола: Спринг, 2009. 276 с.
5. Дербишева З. К. О лингвокультурологическом своеобразии языкового сознания // Филологические науки. 2015. № 6. С. 9–15.
6. Калинкина О., Клементьева Е. Ф. Апак стакалгавто валрисьметнень теевемань ёнксост эрзянь ды рузонь валмеревкстнэнь кужосонть (Структурная характеристика простых предложений в составе эрзянских и русских пословиц) // XII Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Ч. 3: Гуманитарные науки / сост. Л. И. Ватанина; отв. за вып. П. В. Сенин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. С. 54–58.
7. Краснощёкова Т. Я., Уланова С. А. Мордовские пословицы и поговорки о языке, культуре речи и правилах речевого поведения // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по материалам междунар. студенч. науч.-практ. конф. № 6. URL: sibac.info/archive/humanities/6.pdf (дата обращения: 14.05.2017).
8. Кулакова Н. А. Отражение нравственных устоев в семье (на примере мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 17–21.
9. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Композиционная структура мокшанских присловиц // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 44–46.
10. Марченко Г. И. Паремиологические жанры в культурном пространстве мордовского фольклора: автореф. дис. … канд. культурологии. Саранск, 1998. 20 с.
11. Нерсесян М. Л., Овакимян Н. В. Вопросы языка в контексте межкультурной коммуникации // *Tradiţie şi inovaţie în cercetarea filologică: conferinţă ştiinţifică internaţională* = Традиции и новаторство в филологических исследованиях: междунар. науч. конф.: [în 2 vol.] / com. şt.: Valentina Priţcan (preşedinte). Bălţi: Universitatea de Stat “Alecu Russo” din, 2016. Vol. 2. P. 60–62.
12. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. Москва: Наука, 1988. 237 с.
13. Савостькина М. И., Макушкина Л. И., Сураева М. С. Пословицы и поговорки как фактор формирования языковой компетенции на уроках родного языка // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 156–160.
14. Тимофеева А. М., Бакиева Г. Т. Человек в языке пословиц и поговорок сибирских татар // Филологические науки. 2017. № 3 (69), ч. 2. С. 167–170.
15. Топорков А. Л. Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. М., 2016. С. 23–41.
16. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Мордовия: моногр. / О. Л. Арискина, И. А. Рёбрушкина, И. В. Сивцова [и др.]; под ред. О. Л. Арискиной, Л. Н. Денисовой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 192 с.
17. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
18. Lakoff R. T. The Logic of Politeness, or, Minding Your P’s and Q’s // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.
19. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York: Longman, 1983. 257 p.
20. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. Oxford: Blackwell, 1982. 290 p.
21. Volfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acqusition / N. Volfson and E. Judd (eds.). Rowley; London: Newbury House Publishers, 1983. P. 82–95.
22. Wierzbicka A. Introduction // Wierzbicka A. Semantics, Culture, And Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 3–27.

MODELS OF COMMUNICATIVE CONDUCT IN MORDOVIAN PARAMIAS: lingua-pragmatic and lingvocultural aspects

Olga V. Filippova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Russian as Foreign Language,
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), filippovaov@mail.ru

The article considers Mordovian paremia for effective communication. The theoretical basis of the work was the work of pragmalinguists (D. Searle, H. P. Grice, J. Leach), linguoculturologists (A. Vežbicki, L. P. Vorkacheva, etc.), Mordovian folklorists (K. S. Samorodova, G. I. Marchenko and others). Practical importance lies in revealing the values of communicative culture, reflected in the paremiological creativity of the Mordovian people. The object of the study is Mordovian paremia. The subject of the study is the models of communicative behavior. The aim of the research is to reveal the universal and specific in communicative culture of the Mordovian ethnos.

The research methodology relies on a cognitive approach to language research, combines content analysis and intent analysis. The material of the study was Moksha and Erzya paremia about language, speech, communicative behavior, extracted within continuous sampling from the published collections of Mordovian proverbs and sayings.

Corpus of paremias about the language, speech, and communicative behavior indicates a close attention of the ethnos to the communicative culture. Mordovian paremia showered the most important principles of effective communication. The form of expression of ethical values and communicative rules often includes advice, caution, disapproval of negative communicative behavior. The metaphorical language of creating imagery in Mordovian paremias reflected the linguocultural distinctiveness of the linguistic consciousness of the Mordovian people.

On the example of the analysis of paremias, certain models of communicative behavior were revealed. They reflect the fusion of the national language, ethnic, spiritual and pragmatic features, which are transmitted together with the language as a tool in the form of instructions and specific instructions for language use in communication process. A bright and easily remembered paremic form allows to preserve and transmit the value layer of communicative culture.

Key words: Mordovian paremia; postulates of effective communication; models of communicative behavior; communicative competence; praise; censure.

For citation: Filippova OV. Models of communicative conduct in Mordovian paramias: lingua-pragmatic and lingvocultural aspects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10: 1: 41–51. (In Russian)

Submitted 04.07.2017, published 07.06.2018

REFERENCES

1. Bigunova NA. The social status of participants in positive-valued speech acts (on the basis of the English-language artistic discourse). *Mova*. 2014; 20: 70–74. (In Russian)
2. Vodiasova LP, Starkina EN. Structure of proverbs in Erzyan. *Ogarev-online*. 2017; 8. Available from: http://journal.mrsu.ru/arts/struktura-poslovic-v-erzyanskom-yazyke (accessed 14.05.2017). (In Russian)
3. Vorkachev SG. Linguocultural conceptology and its terminology. *Politicheskaia lingvistika* = Political Linguistics. 2014; 3; 49: 12–20. (In Russian)
4. Gluhova NN, Gluhov VA. The value systems of the Finno-Ugric superethnos. Monograph. Joshkar-Ola, 2009. (In Russian)
5. Derbisheva ZK. About linguocultural originality of linguistic consciousness. *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences. 2015; 6: 9–15. (In Russian)
6. Kalinkina O, Klement'eva EF. Structural characteristics of simple sentences as part of Erzyan and Russian proverbs. *XII Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf.: v 3 ch. Ch. 3: Gumanitarnye nauki* = XII Ogaryov readings: Conf Proceedings: Part 3: The humanities. Saransk; 2013: 54–58. (In Mordovian)
7. Krasnoshchekova TIa, Ulanova SA. Mordovian proverbs and sayings about language, culture of speech and rules of speech behavior. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiia. Gumanitarnye nauki: sb. st. po materialam mezhdunar. studench. nauch.-prakt. konf. № 6* = Research students in XXI century. Humanities: Proceedings of international students' seminars and conferences # 6. Available from: sibac.info/archive/humanities/6.pdf (accessed 14.05.2017). (In Russian)
8. Kulakova NA. Reflection of the moral foundations in the family (on the example of

Mordovian languages). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014: 3: 17–21. (In Russian)
9. Kulakova NA, Rogozhina VF. Composition structure of Mokshan proverbs. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015; 1: 44–46. (In Russian)
10. Marchenko GI. Paremiological genres in the cultural space of Mordovian folklore. Abstract of dis. … cand. cult. st. sci. Saransk; 1998. (In Russian)
11. Nersesian ML, Ovakimian NV. Language issues in the context of intercultural communication. *Traditsii i novatorstvo v filologicheskikh issledovaniiakh: mezhdunar. nauch. konf. Bălţi* = Traditions and innovation in philological research: Intern. Bălţi Conf.; 2016; 2: 60–62. (In Russian)
12. Permiakov GL. Fundamentals of structural paremiology. Moskva; 1988. (In Russian)
13. Savost'kina MI, Makushkina LI, Curaeva MS. Proverbs and sayings as a factor in the formation of language competence in native language lessons. *Vestnik NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2014; 1; 29: 156–160. (In Russian)
14. Timofeeva AM, Bakieva GT. Man in the language of proverbs and sayings of the Siberian Tatars. *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences. 2017; 3; 69; 2: 167–170. (In Russian)
15. Toporkov AL. Folklore in interdisciplinary dialogue. *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2015* = Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moskva; 2016: 23–41. (In Russian)
16. Language situation and language policy in the Republic of Mordovia. Monograph. Saransk; 2011. (In Russian)
17. Grice HP. Logic and conversation. *Syntax and Semantics*. New York; 1975; 3: 41–58. (In English)
18. Lakoff RT. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's. *Papers from the 9th Regional Meeting*. Chicago; 1973: 292–305. (In English)
19. Leech GN. Principles of Pragmatics. London; New York; 1983. (In English)
20. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. Oxford, 1982. (In English)
21. Volfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English. *Sociolinguistics and Language Acqusition.* Rowley; London; 1983: 82–95. (In English)
22. Wierzbicka A. Introduction. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, And Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations.* Oxford; 1992: 3–27. (In English)